

Хождение по Комитету Культуры

С.В.Востоков

Пишу по свежим следам – сегодня (10 октября 2011 года, 11 часов) была установлена во дворе дома 24 по 11-ой линии В.О. мемориальная доска в честь Георга Кантора, разрешения установки которой мы добивались у Комитета Культуры два с половиной года.
(см http://vkontakte.ru/video9368133_160948403).

Первый опыт общения с Комитетом Культуры у нас был в 2006-2007 годах во время подготовки к празднованию 300-летия со дня рождения Леонарда Эйлера, и конгресса Эйлера и я был тогда одним из главных организаторов. Празднование («празднество» по древнерусски) поддерживалось не только правительством Санкт-Петербурга, но и правительством Российской Федерации. Тем не менее, нам не удалось наименовать в городе ни одной площади или улицы в честь Эйлера. Правда, в Комитете Культуры нам предложили наименовать именем Эйлера некий тупик в Старом Петергофе (наверное, они считали, что Старый Петергоф – это средоточие науки и «Тупик Эйлера» самое лучшее, что может быть), или дать имя Эйлера какой-нибудь школе. Не могу не привести по этому поводу известное изречение Отто фон Бисмарка:

“Die Dummheit ist Gottesgabe, aber darf diese Gabe nicht missbrauchen”

(Глупость – дар Божий, но не следует им злоупотреблять).

Туда же они предлагали поместить и памятник Эйлеру, который мы в итоге создали благодаря участию бывшего выпускника нашего математико-механического факультета. Слава Богу, мы поставили тот памятник во дворе Международного института им. Эйлера без всяческих, как я понимаю, невероятно сложно доставаемых разрешений Комитета Культуры и других аналогичных инстанций.

Два с половиной года назад была начата эпопея по установке мемориальной доски в честь Кантора. Не было проблем с материальным обеспечением. Математическое сообщество города и в её лице Фонд Эйлера, президентом которого я ещё пока являюсь, собрали деньги (кроме частных вкладов свою лепту внесла и корпорация ЕМС, которая имеет тесные связи с нашим сообществом, а также Петербургское отделение математического института), нашли организацию (Фонд русско-немецких встреч при Петрикирхе), которая стала формальным инициатором установки, и после этого обратились в Комитет Культуры. Нас встретила очень милая дама, которая сообщила нам перечень документов, необходимых для разрешения установки доски, я спросил её – это всё – да всё был ответ. Я-то понимал, что мелкий клерк не будет уважать себя, если сразу сообщит все нужные сведения. Так и вышло. Когда локомотив нашей деятельности – Галина Ивановна Синкевич, без фантастического упорства, терпения и стремления к цели которой не было бы ничего – пошла снова в Комитет, собрав все указанные документы, то та милая дама, со столь же обескураживающей улыбкой сообщила, что нужна ещё *«форма 9 из ЖАКТа 1845 года о том, что Георг Кантор родился в этом доме, а в 1856 году уехал с родителями на ПМЖ в Германию. Помимо этого нужны документы, подтверждающие КАЖДЫЙ год проживания по этому адресу»*. Пишу в кавычках, так как это перевод на современный язык того, что сообщила та милая дама. С большим трудом удалось преодолеть это препятствие. Спасибо Петербургскому и Московскому отделениям Института Истории естествознания и техники, которые помогли нам архивные документы, переписку, наследственные документы семьи и адресные книги СПб свести в юридически целостный документ. Не буду читателей утомлять подробностями.

После преодоления всех сложностей с документальным подтверждением проживания семьи Канторов по адресу 11 линия В.О. д.24 мы подали заявку в Комиссию по культурному наследию Комитета культуры и получили отказ с формулировкой: «Учитывая, что Георг Кантор уехал за границу в юности, и его становление как учёного проходило в Германии, члены Совета отклонили предложение об установке мемориальной доски» от 07.06.2011 №03-32-1423/11-0-0.

После этого мы подали документы повторно на установку доски во дворе, сообщив о том, что мировая научная общественность разочарована отказом. В итоге нам позволили повесить мемориальную доску ВО ДВОРЕ дома 24 по 11 линии В.О.

Опишу похожий случай, который был в другое время и в другом городе, но там причина была совершенно понятна.

Итак, в 70-ых годах прошлого столетия наш город стал побратимом города Турку, и отцы города решили преподнести новоявленному «братцу» подарок. Разумеется, ничего лучшего по тем временам, как памятник Вождю Революции, они придумать не могли. Когда этот подарок привезли в Турку, то уже отцы города Турку «стали чесать репу» и думать, куда же пристроить этот подарок. Выбросить его нельзя, так как это всё же подарок, да и Вождь причастен был к независимости Финляндии. С другой стороны, ставить на центральную площадь, как это было принято у нас, они тоже как-то не стремились, и они нашли следующий выход, о котором рассказал мне мой коллега в Турку. В Турку есть рыночная площадь, на которой стоит православная церковь. Если пройти мимо этой церкви и сразу повернуть направо, то улица упирается в холм – площадь, на котором находится художественный музей. К площади ведёт улица с 8-этажными домами.

Около каждой парадной по финской традиции есть высокий кустарник, хорошо ухоженный. Вот в такой кустарник в первой парадной перед площадью и поместили памятник. Вроде бы и в центре, да с трудом догадаешься, если кто-то не покажет. Здесь, по крайней мере, понятны мотивы.

Итак, это случай похожий в том смысле, что городу подарили – в том случае памятник, а в нашем случае мемориальную доску, – а город не понимал, что с этим делать. Теперь повторю формальную причину, по которой доску поместили во дворе. Кантор все свои достижения получил не в России, посему негоже ему красоваться на самой (прямо скажу не центральной) улице. Его место во дворе. Формальная причина, по которой мемориальная доска Кантору оказалась во дворе (и надо ещё низко поклониться Комитету Культуры, что они дали всё же высшее соизволение на установку доски) не выдерживает, конечно, никакой критики. Привожу пример с Леонардом Эйлером. Он родился в Базеле в 1707 году и в двадцать лет переехал в Россию, посему все свои результаты он получил в России и в Германии. В Швейцарии он после отъезда не был ни разу. Тем не менее, практически в каждом городе Швейцарии Эйлер отмечен либо памятником, либо улицей, либо площадью, потому что за рубежом гордятся своими соотечественниками независимо от того, где они проявили себя.

Относительно Кантора могу сообщить, что Кантор был подданный Российской империи, и когда его заклевали коллеги в Германии во главе с Кронекером, он даже хотел вернуться в Россию и поступить на дипломатическую службу.

Есть ещё совершенно необъяснимый запрет – писать на мемориальной доске хотя бы в скобках, имя на немецком языке. Я уж не говорю, что это улучшает туристический климат в городе, но, кроме того, у нас масса вывесок и реклам на английском языке. Даже в таком далеко не центральном районе, как Кировский, где я живу, на Дачном проспекте около магазина «Пятёрочка» (как вы понимаете, далеко не бутик) находится «The temple bar», и это в районе, где как теперь говорят, «лиц славянской национальности» скоро будет меньшинство. У прохожих я пытался узнать, что это за заведение. Мне кто-то сказал, что там за крутые бабки можно выпить весьма посредственное пиво.

Итак, как говорят на дипломатическом языке, два решения Комитета Культуры вызывают чувства недоумения (мои коллеги и друзья говорили гораздо в более резких выражениях):

- 1) Запрет повесить мемориальную доску на уличной стороне дома по причине указанной выше
- 2) Запрет повторить в скобках фамилию учёного на немецком языке

Мы всё же надеемся, что наш высокоуважаемый Комитет Культуры проявит благоразумие и уважение к нашим великим соотечественникам и даст разрешение перенести доску на полагающееся ей место, тем более, что нашим немецким коллегам невозможно объяснить решение комитета, и тем самым, показывать место рождения Кантора, который для Германии сделал очень много.